

НЭП. ТОСКА ПО НОВОМУ

ПОЧЕМУ И СПУСТЯ СТОЛЕТИЕ ТАК АКТУАЛЬНЫ УРОКИ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ

Ф

Февраль — март 1921 года. Вашу власть вот-вот должны снести.
Но почему?

В Гражданской — победа. Старая элита — забита, изгнана. Ура, военный коммунизм! Прямое распределение людей и вещей — взять, разнести по сметам и пунктам, отдать по воле сверху. То, что вы хотели — полновластие, полилуние! Есть только ваше слово — других нет. Есть только ваша партия — других нет. И других людей — влияющих, громкоговорящих — тоже нет. А если есть, то где-то там, в подполе или земле.

Есть только вы. И еще — молодецкий, смазанный, весело порывающийся аппарат насилия. Понял, взял, сделал, затоптал.

Но вас обязательно снесут.

Ленин и катастрофа

У нас — голод, холод и разрушенная промышленность. Карточки, мобилизации. Не труд,

ВАС СКОРО ВЫНЕСУТ СО СВИСТОМ, ПОТОМУ ЧТО ВАШ РЕЖИМ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. НО У ВАС ЕСТЬ ОГРОМНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО — ЛЕНИН. ЧЕЛОВЕК БЕЗЖАЛОСТНЫЙ, ТРЕЗВЫЙ И ЕЩЕ — СОЗДАЮЩИЙ ИДЕИ

а трудовая повинность. Голодные волнения в Петрограде, мятеж в Кронштадте. Инфляция в сто тысяч процентов. Тамбов, Урал, Сибирь, Украина, Кубань — по всей стране тлеет «крестьянская война»¹. Какая дальше продрозвертка? 84% населения России в 1920 году — в деревне². Убьют. Производство чугуна в 1920 году в 30 с лишним раз ниже, чем в 1912 году «Пахотных орудий» — меньше в 24 раза. Муки — почти в 3 раза. Тканей — в 15 раз. Число предприятий и рабочих сократилось в 3–5 раз³. В 1920 году промышленное производство — всего лишь 17% от уровня 1913 года⁴.

Вас скоро вынесут со свистом, потому что ваш режим — нечеловеческий.

Да, конечно, война! Да, либо вы, либо вас, но так не живут. Человек не может пережить веревки, страха и пайка как способа существования. Жизнь как продрозвертка. Ему нужна воля, риски, собственность, обмен и свободное имущество, чтобы двигаться, защищаться и — хотя бы кого-нибудь — опережать.

Но у вас есть гигантское преимущество — Ленин. Человек безжалостный, трезвый и еще — создающий идеи. Или берущий чужое, но вовремя. Гениальные изворотливые идеи,

¹ Д. Топорков. На Петровке. Уличная сцена. 1927 год.

² Голод в Казани. 1921 год.

когда все остальные тупо прутся прямо в лоб. Способный перевернуться. Добиться нужного решения. Путь свое до победы. «На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилеудским, поражение, гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное»³.

Советы и «иностранные хищники»

Как давно в Москве не слышали это «мы»? Сколько лет никто из великих не признавал в ошибках! Когда у власти монополия на истину, когда она всегда права, то наверху, «там» все меньше людей, способных публично сказать: мы ошибались и теперь меняем свой курс.

Власти от этого лучше? Конечно нет! Бронзовеешь? Живешь в своей системе координат, в ложных представлениях о том, что происходит в России? Тогда жди высочайших рисков — политических, социальных. Последний Романов, Керенский — тому примеры.

³ Ленин выступает на X съезде РКП(б) с докладом о переходе к НЭПу. 1921 год.

⁴ Уличные торговцы. Москва. 1920-е годы.

ВОЗВРАТ К РЫНКУ, ЧАСТНИКУ И — О, УЖАС! — ЭКСПЛУАТАЦИИ НАЕМНОГО ТРУДА. НО ЗАТО — ЛЮДЕЙ НАКОРМИТЬ, КРЕСТЬЯН УСПОКОИТЬ, ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ, НАКОПИТЬ ЖИРОК

Да, перевернуться! Гибкость ума и поведения поражает. Вместо унылого следования, год за годом, «коммунистическому производству и распределению», пока новую власть не снесут крестьяне, — вместо этого налоги, торговля, коммерция, собственность! Возврат к рынку, частнику и — действительно, о, ужас! — эксплуатации наемного труда, концессиям! Снова пустить на порог «иностранных хищников». Но зато — людей накормить, крестьян успокоить, выиграть время, накопить жирок.

Нет, не страшно! Тем паче, оставив себе, государству, «командные высоты» — костяк экономики. Чтобы не зарывались! И ни в коем случае — свободы слова и идей, свободы партий, чтобы не мог победить рыночный человек. Хитрость, временная мера — но какая!

Этим нельзя не восхищаться, как мастерским шахматным ходом, к чему бы он ни привел!

А к чему? С точки зрения правоверного коммуниста — в адское пекло.

Большевики и векселя, облигации, биржи

Привет тебе, буржуазия! В 1924–1925 годах — се уже 232 тысячи человек, в 1926–1927 годах — 284 тысячи человек. Из них средняя и крупная — 84 и 105 тысяч человек соответственно. И даже владельцы ценовых промышленных предприятий — 7 тысяч человек.

А еще «мелкие полукapиталистические предприниматели», кустари с наемным трудом. Их грозная сила — в 325 тысяч человек в 1924–1925 годах и 376 тысяч человек в 1926–1927 годах.

Для души в ГУМе, на Ильинке в Москве «американки» — черные биржи, доллары с рук, 40% член бирж — частников²¹.

И, наконец, счастье, денежная реформа 1922—1924 годов! Деньги стали твердыми. Тут тебе и золотой рубль, и серебро, и конвертируемый червонец, и казначейские билеты²². Сознания ушли в мир иной. Мир обрел ценность, измерение.

Что еще менять? При военном коммунизме цены стали сметными. Нет проблем! Освободить их у частников, в госсекторе взять под контроль! В 1922 года цены в 2–9 раз превысили довоенные²³. Разобраться в «ножницах цен между городом и селом» (промтовары дороже, хлеб — дешевле, чем должны быть). Винить за это тресты, монополии, всё по-варрослому²⁴!

ЭКОНОМИСТЫ БЕСПОКОИЛИСЬ: ПРИХОДИТСЯ ОПАСАТЬСЯ, ЧТО НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ ДОСТИГ ЧРЕЗМЕРНОГО НАПРЯЖЕНИЯ. И НАМ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ ПРИХОДИТСЯ. НО СДЕЛАЛИ-ТО ЧТО? ЧУДО!

В деревнях — миллионы тех, кого потом назовут кулаками. Пока же они — «хозяева — предприниматели». В 1924—1925 годах — 4,8 млн человек, в 1926—1927 годах — 5,9 млн человек⁶.

Все эти люди в 1930-х исчезнут.

Свобода делать. Свобода торговать. И даже денационализация. За это раньше была бы пуля. Всё мелочь вернули в частные руки. Отдали в аренду, пусть восстанавливают. А государству оставили «командные высоты» — 4500 крупных предприятий с 80% промышленных рабочих⁷. Тресты, синдикаты, коммерческий расчет, планы и вертикали, чтобы легче управлять.

Что еще? Это вы в 1917—1918 годах банки слили в один Народный банк?⁸ А потом совсем прикрыли? Ну и ладно! Уже в 1926 году сияют вывесками сотни банков и общества взаимного кредита.

В 1918 году убили ценные бумаги? Ну и что? В 1922—1924 годах созданы более 160 акционерных обществ, с капиталами от 100 тысяч золотых рублей. В 60% общества есть акционеры — частники⁹.

Октябрь законопатил облигации? Ответ 1920-х — больше двух десятков выпусков облигаций. Хлебных, сахарных, золотых, выигрышных.

Векселя? Эта чума капитализма? В 1920-х всё устлано векселями, чтобы ускорить расчеты. Векселя и ссуды под них — это больше четверти активов банков¹⁰.

Кто там заколотил биржи в 1917 году? К осени 1926 года в России уже 114 товарных бирж. Купи — продай продовольствие, текстиль, металлы, все, что угодно. А при них 10 фондовых отделов. Чем торгуют? Валютой, ценными бумагами.

Нет больше отъема, продрозверстки, но есть — налоги! Сначала натуральные, а затем денежные. В 1920-х возникли десятки налогов, от местных до центральных. Чудесные имена: промышленный, уравнительный, трудгужналог, с ресторанных счетов, налог с высоких ставок заработной платы, надбанка в пользу последнего и т.д.¹¹ Куча акцизов. Винная монополия. А местное обложение! С лошадей, велосипедов, с увеселений, с дач, тракторов, со скота, пригоняемого на рынок.

Что-то кажется знакомым в этом налоговом хаосе. «Приходится опасаться, что нынешний налоговый режим достиг чрезмерного напряжения»¹².

И нам через сто лет тоже приходится. Но сделали-то что? Чудо!

⁶ Сдача продовольственного налога в Егорьевске. 1922 год.

⁶ «Остальным распорядись сам!» — лозунг с плаката шагнул в жизнь.

*7
Ордер на получение товаров или денег в кассах кооператива.

*8
Папиросница из Моссельпрома. 1920-е годы.

*9
Киоск ГУМа. 1923 год.

Другая жизнь

Народ был накормлен уже в 1922 году. Деревенские бунты закончились. В 1926–1927 годах в промышленном производстве догнали 1913 году. Темпы роста — 30–40% в год¹⁷. И какая-то новая реальность.

1921 год. «На вокзале, как грязные собачонки, спуют голодные ребятишки: волна голода занесла их в сырой Петроград. «Все для голодного Петрограда» — еще висят плакаты на стенах. «Все для голодного Поволжья» — висит свежий плакат рядом на стене»¹⁸.

А это уже ноябрь 1922 года. Вот что пишет Корней Чуковский:

«Очень я втянулся в эту странную жизнь и полюбил много и многих... пробегая по улице — к Филиппову за хлебом или в будочку за яблоками, я замечал одно у всех выражение — счастье. Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина и женщины; женщины с сладострастными, пьяными лицами

притирают грудками к оконным стеклам на Кузнецком, где шёлка и бриллианты. Красивого женского мйма — целые вагоны на каждом шагу, — любовь к вещам и удовольствиям страшная, — танцы в таком фаворе, что я знаю семейства, где люди сходятся в 7 час. вечера и до 2 часов ночи не успевают чаю напиться, работают ногами без отдыха... Все живут зоологией и физиологией...»¹⁹.

Другая жизнь. Дело, конечно, не в танцах и не в шёлках с бриллиантами. Это — мелочи. А в том, что был задуман и совершен невероятный по удачливости переворот, из грязи да в князи. Стоило только приоткрыть дверь свободе — иметь, решать, копить, — и страна, с еще живой деревней, с новой землей, взятой крестьянами, сразу выкарабкалась.

А в ней — бэби-бум. Население России в 1924 году — 94,4 млн человек, в 1929 году — 105,7 млн человек²⁰. Высочайшая рождаемость (6,8 на одну женщину).

В обреченной стране не рожают.

Все было подчинено простым вещам — накормить, одеть, встать на ноги. И, да, конечно, удержать власть. Иначе — вынесут! Советы без коммунистов! Этот лозунг Кронштадтского мятежа марта 1921 года исчез из массового сознания.

Да, еще! Темпы роста промышленности в 1922–1926 годах были гораздо выше 1930-х. И падать стали в 1927–1928 годах при сворачивании нэпа. Хотя, конечно, можно спорить до бесконечности — почему. Кризисы²¹, разница в базах отчета, естественное снижение темпов, директивное вмешательство в механизмы рынка или просто бегство частника от неумолимого государства.

Творцы и начальники

Как мало в тысячелетней истории России было идей, так скоро ведущих к всеобщему счастью. Накормить, одеть, обогреть — и все это в считанные годы. Сделать это не столько железной рукой (железа было много), сколько «энергией масс» и терминах большевизма. Сокольников, Юровский, Бухарин, Чайнов, Кондратьев. Занять берет перед десятками профессоров, работавших в первой половине 1920-х годов. Тех, кто делал экономическое чудо, когда все растет на глазах. Жить по восходящей, когда в стране — беспрецедентный рост. Пасти идеи, усердствовать, не мелочиться. Заблуждаться. Громить друг друга. Их текегы и сегодня у нас на столах.

Большинство этих людей было убито в 1930-х. Им завидовать?

Да, завидовать. Нам не дано чувства макроэкономической удачи. Мы, войдя в 1990-е годы большим универсальным хозяйством, свинтили его. Мы, возвращаясь к рынку, не сделали еще одного чуда в России. И теперь бессильно наблюдаем, как общество слоняется, как много в нем бедности, неизлеченного, как пустеют малые и средние поселения. И объясняем все это до бесконечности — почему все так, и призываем — к чему? К тому, что, кажется, никогда не произойдет.

Ведь и конец нэпа был закономерен.

Он вытекал из самого существа большевизма. Нэп — как мягкая перчатка на железной руке. В конце 1920-х банки стягиваются в главнейший Госбанк. Закрываются биржи. Напманов душат налогами. Ценные бумаги испаряются. Цены мертвеют, огосударствляются. Рынки — всё тише. Торжественный приход Его Величества прямого распределения продукции на госпредприятиях — командных высотах.

Лимиты, задания, план, контроль при партийном взоре за исполнением задания. Кредиты — на автомате. Финансы — это госбюджет. Не люди — людские ресурсы. Рынка труда больше нет. Безработных быть не может. Биржи труда закрыты (1933 год). Да, еще банкрот-

В КАКОЙ ДЕНЬ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ? ГОД ИЗВЕСТЕН — 1929. ВЧЕРА ТЫ ЕЩЕ ТАМ, А СЕГОДНЯ — УЖЕ ЗДЕСЬ, ЗА ПЛОТНО ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ. ХЛОПОК, ЩЕЛЧОК, ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ!

ства, суды. Физическое уничтожение частных предприятий.

В какой день это случилось? В июле или глумим ноябре? Вчера еще нэп, рынок, пусть полновинный, а сегодня — уже административная экономика! Год известен — 1929. Вчера ты еще там, а сегодня — уже здесь, за плотно закрытыми дверями. Хлопок, щелчок, двери закрываются!

Здравствуй, торжество «социалистического уклада»! Удельный вес «соцсектора» в продукции тяжелой промышленности в 1928 году — 79,5%, в 1933 году — 99,5%, в продукции сельского хозяйства — 1,8% и 76,1%, в розничном товарообороте — 75% и 100% соответственно.

¹⁰ Москва. Сретенка. 1924 год.

¹¹ Передвижная лавка — примета нэповской Москвы.

КАК МАЛО В ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ БЫЛО ИДЕЙ, ТАК СКОРО ВЕДУЩИХ К ВСЕОБЩЕМУ СЧАСТЬЮ. НАКОРМИТЬ, ОДЕТЬ, ОБУТЬ — В СЧИТАННЫЕ ГОДЫ. СОКОЛЬНИКОВ, БУХАРИН, ЧАЯНОВ, КОНДРАТЬЕВ...

*12

Г. Клуцис. Плакат 1930 года.

В 1928 году — 1,1 млн безработных, в 1933 году — их больше нет. Где они — неизвестно. И нет больше «аграрного перенаселения» 1928 года в 8,5 млн человек²². Где эти люди — кто знает?

И нэпа тоже нет. Он больше не существует. Есть административная экономика. Есть машина, перемалывающая людей. Есть величайшее напряжение сил нации еще на полвека, обернувшееся сумятицей 1990–2010-х годов.

Приговор 1931 года

Под рукой лежит книга 1931 года тиражом 100 тысяч. Темный переплет. И в ней сказано:

«Сейчас положение такое, когда против нас обостренное наступление ведут наши враги, когда против нас консолидируются все силы реакции, когда против нас борются и империалистические хищники, и кулацкая агентура, и контрреволюционные организации, и помы всех оттенков исповеданий, когда... все направлено на то, чтобы нанести нам удар»²³.

И дальше — приговоры 14 руководителям из экономических ведомств за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кредитной системы». Одни из многих.

Это и был конец нэпа.

И российская история пошла на новый круг, еще далеко не завершённый. Вопросы все те же — мера свободы, мера принуждения, темпы роста, модернизация и, самое главное, семья, дети, состоятельность, уникальность каждой жизни. Когда?

¹ А. Трапезин. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. — М.: Росстат, 2003. С. 31–32.

² Статистический ежегодник 1921 г. — М.: Труды ЦСУ. Том VIII. Выпуск 1. С. 2.

³ Там же. С. 68, 69, 81, 91.

⁴ С.В. Смирнов. Динамика промышленной производства и экономической цели в СССР и России, 1861–2012. М.: ВШЭ, 2012. С. 69.

⁵ В.И. Ленин. Доклад на I Всероссийском съезде колхозников от 17 ок-

тября 1921 г. В кн.: Полное собрание сочинений, 5 изд. — М.: ИПЛ, 1970. Том 44. С. 159.

⁶ Статистический справочник СССР за 1928 г. — М.: Издательство ЦСУ СССР, 1929. С. 42–43.

⁷ А.Я. Ленин. Социально-экономические условия в СССР в период перехода от капитализма к социализму. М.: Экономика, 1987. С. 54–55.

⁸ До 1921 г. Народный банк РСФСР.

⁹ Феодальный рынок 1922–1930 гг. // Российские цены на бумагу. — М.: Банк

России, Том 1. С. 32–38.

¹⁰ Банки // БСЭ — М.: АН «Советская энциклопедия», Том 4, 1926. С. 647.

¹¹ Биржа // БСЭ — М.: АН «Советская энциклопедия», Том 6, 1927. С. 375–384.

¹² Финансовая энциклопедия. — М.: Госиздат, 1927. С. 450–458.

¹³ Н.Д. Кондратьев. Условия образования и движения товарных цен (1923 г.) В кн.: Хозяйство и НЭП. — М.: Экономика, 1991. С. 308–318.

¹⁴ С.А. Перушкин. К вопросу о ценностных сдвигах в 1922 году // Экономиче-

ский бюллетень Номинативного института. — М.: Наркомфин, № 3 (19), 1923, Март. С. 5–11.

¹⁵ П.Л. Гензель. Система налогов Советской России. М.—Л.: Экономическая жизнь, 1924. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ С.В. Смирнов. Динамика промышленного производства и экономической цели в СССР и России, 1861–2012. М.: ВШЭ, 2012. С. 69.

¹⁸ Е. Постникова. 21-й год. — Берлин: Архив русской революции, 1924. Том XIII, С. 127.

¹⁹ Н. Чуховский. Динамика 1901–1968. Том I. — М.: Олма-Пресс, 2003. С. 253.

²⁰ Статистический справочник СССР за 1928 г. — М.: Издательство ЦСУ СССР. С. 18–19.

²¹ Ю. Толанд. Кризисы, разрушающие нэп. М.: МНИИП, 1991. 94 с.

²² С.М. Сердюк. Планирование народного хозяйства СССР. М.: Соцгиз, 1961. С. 179.

²³ Меньшевики — интервенты. Обвинительная речь Н.В. Крыленко. Приговор. — М.: Московский рабочий, 1931. С. 80.